

28. Предупреждение коррупции: что может общество / под ред. М.Б. Горного. – СПб.: Норма, 2003. – 496 с.
29. Приказ Генпрокуратуры РФ от 15 мая 2010 г. №209 «Об усилении прокурорского надзора в свете реализации национальной стратегии противодействия коррупции».
30. *Проява, С. М.* Экономизация коррупции. Механизм противодействия : монография. – М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2008. – 159 с.
31. Решение Коллегии МВД Российской Федерации от 21 марта 2014 г.
32. *Роуз-Аккерман, С.* Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / пер. с англ. О.А. Алякринского – М.: Логос, 2003. – 356 с.
33. *Самарин, В. И.* Интерпол. Международная организация уголовной полиции. – СПб.: Питер, 2004. – 202 с.
34. *Скобликов, П. А.* Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России. – М.: Норма, 2008. – 272 с.
35. *Филиппова, Е. М.* Взятка. Победит ли коррупция Россию? – СПб.: Вектор, 2008. – 192 с.
36. *Фирсов, В. В., Иванова, Н. Ю.* Международное уголовное право: syllabus // Болонский процесс и юридическое образование: учебно-методический комплекс для магистрантов : учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 540400 – Социально-экономическое образование (профиль «Юриспруденция») / редкол.: В. Ю. Сморгунова (гл. ред.), А. А. Дорская, Н. Б. Васильева. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2006. – С. 179–187.
37. *Чащин А. Н.* Коррупция в России: стратегия, тактика и методы борьбы. – М.: Дело и Сервис, 2009. – 208 с.

УДК 343.131.8

С.Д. Шестакова*, Е.А. Маркова**

Совершенствование оснований и порядка получения и использования показаний анонимных свидетелей в целях реализации права обвиняемого на очную ставку со свидетелями обвинения

Авторы предлагают внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменения и дополнения, которые позволят привести использование показаний анонимных свидетелей в российском уголовном процессе в соответствие с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Ключевые слова: анонимные свидетели, допустимость показаний, доказательства.

S.D. Shestakova*, E.A. Markova. The improvement of the grounds and procedure for the obtaining and using the anonymous witnesses testimony in order to implement the right of the accused to the confrontation with the witnesses against him.** The authors offer and argue the amendments into Criminal Procedural Code of Russian Federation which would provide the conformity of the using of the anonymous witnesses testimony in Russian criminal procedure with the European Convention on Human Rights.

Keywords: anonymous witnesses, admissibility of the testimony, evidence.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в качестве элемента права на справедливую процедуру предусматривает право обвиняемого допрашивать свидетелей, дающих против него показания (ч. 3 ст. 6). Иначе это право называется правом на очную ставку со свидетелями обвинения. Основное назначение данного права – предоставление обвиняемому адекватной возможностью опровергать, во-первых, надежность свидетеля, а во-вторых, надежность его показаний. Соблюдение данного права является неотъемлемым условием равенства процессуальных средств борьбы стороны обвинения и стороны защиты (equality of arms) как элемента состязательности процесса.

Уголовно-процессуальное право ряда демократических государств (Нидерланды, Швейцария, Франция и др.) предусматривает возможность использования показаний анонимных свидетелей в качестве доказательств виновности обвиняемого и других имеющих значение для дела обстоятельств. Анонимными свидетелями являются дающие показания в ходе допроса лица, чья личность остается

* Шестакова, Софья Дмитриевна, профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук. Адрес: Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилотова, д. 1. E-mail: shestakova_sofia@mail.ru.

** Маркова, Екатерина Александровна, адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России. Адрес: Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилотова, д. 1. E-mail: katja.mm@mail.ru.

* Shestakova, Sofia Dmitrievna, the professor of the criminal procedure department of St. Petersburg University of the Interior Ministry of Russia, Prof. Dr. Address: Russia, 198206, St. Petersburg, Pilot Pilyutov str., 1. E-mail: shestakova_sofia@mail.ru.

** Markova, Ekaterina Alexandrovna, post-graduate student of the criminal procedure department of St. Petersburg University of the Interior Ministry of Russia. Address: Russia, 198206, St. Petersburg, Pilot Pilyutov str., 1. E-mail: katja.mm@mail.ru.

© Шестакова С.Д., Маркова Е.А., 2014

по предусмотренным уголовно-процессуальными нормами основаниям неизвестной стороне защиты либо не только стороне защиты, но даже и следственному судье [2].

Очевидно, что использование показаний анонимных свидетелей в качестве доказательств создает угрозу нарушения гарантированного Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод права обвиняемого на справедливую процедуру и, в частности, права допрашивать свидетелей обвинения (ч. 3 ст. 6 Конвенции), т.к. при этом обвиняемый лишается необходимой информации, чтобы оспорить надежность свидетеля и надежность его показаний. Использование показаний анонимных свидетелей может сделать всю процедуру в целом несправедливой. Кроме того, российские процессуалисты расценивают использование показаний анонимных свидетелей как «довольно глубокое отступление от принципа непосредственности, способное нарушить право обвиняемого на защиту» [1, с. 117].

В отечественном уголовном процессе допустимость показаний анонимных свидетелей была впервые предусмотрена УПК РФ 2001 г. В соответствии с ч. 3 ст. 11 и ч. 9 ст. 166 УПК РФ при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственных лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют вышеуказанные субъекты, не приводить данные об их личности. В специальном постановлении следователя анонимным свидетелям присваивается псевдоним и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. В соответствии с ч. 3 ст. 11 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ при необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственных или близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства.

Нормы УПК РФ, допускающие засекречивание свидетелей, сразу же стали применяться на практике. Так, по данным выборочного изучения уголовных дел, рассмотренных федеральными районными судами города Санкт-Петербурга в 2004-2005 гг., в четырех из ста уголовных дел использовались показания анонимных свидетелей, в 2006-2007 гг. – в 19 из двухсот.

Европейский Суд по правам человека не исключает допустимость показаний анонимных свидетелей, однако ограничивает ее совокупностью условий, призванных обеспечить соблюдение права обвиняемого на очную ставку со свидетелями обвинения.

Европейским Судом было вынесено несколько решений по жалобам на нарушение Конвенции в связи с использованием в уголовном судопроизводстве показаний анонимных свидетелей. Анализ содержания данных решений позволяет выявить выработанные Европейским Судом критерии допустимости показаний анонимных свидетелей. На основании этих критериев представляется возможным дать оценку нормам УПК, регламентирующим основания, условия и процессуальный порядок использования показаний анонимных свидетелей с точки зрения их соответствия Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Основными решениями Европейского Суда, в которых использование показаний анонимных свидетелей оценено на соответствие Конвенции, являются постановления по делам Костовски против Нидерландов [3], Доорсон против Нидерландов [4], Ван Мехелен и другие против Нидерландов [5], Виндиш против Австрии [6], Люди против Швейцарии [7, с. 21], Дельга против Франции [8, с. 10]. Каждое из этих дел отличается специфическими фактическими обстоятельствами, имеющими юридическое значение для оценки соответствия состоявшегося использования показаний анонимных свидетелей конвенционным нормам.

В деле Костовски, обвинявшегося в вооруженном ограблении банка, в качестве доказательств были использованы показания гражданского лица, данные офицеру полиции, и показания гражданского лица, данные следственному судье. Личность свидетелей не была раскрыта ни стороне защиты, ни следственному судье. У стороны защиты имелась возможность в письменном виде представить вопросы следственному судье для постановки их свидетелям, однако ряд вопросов, ответы на которые, по мнению следственного судьи, могли способствовать идентификации личности свидетелей, были отведены; к участию в допросе сторона защиты допущена не была. Необходимость засекречивания свидетелей обосновывалась наличием реальной угрозы их жизни и здоровью со стороны обвиняемого Костовски и его соучастников. Показания анонимных свидетелей являлись единственными доказательствами виновности обвиняемого.

В деле Доорсона, обвинявшегося в незаконной торговле наркотиками, были использованы в качестве доказательств показания свидетелей – гражданских лиц. Их личность была засекречена, т.к. имелись достаточные основания полагать, что наличие у обвиняемых данных об их личности может угрожать их жизни и здоровью, а также жизни и здоровью членов их семей. К участию в допросе свидетелей следственным судьей были допущены прокурор и защитник, но не обвиняемый. У защитника имелась возможность поставить допрашиваемым вопросы, в т.ч. направленные на проверку надежности свидетелей и надежности даваемых ими показаний. Следственный судья, удостоверившись в личности свидетелей, подробно изложил в докладе основания, по которым он считает надежными и свидетелей, и данные ими показания. Обвинительный приговор в отношении Доорсона был основан не только на показаниях анонимных свидетелей, но и на других, достаточно весомых доказательствах.

В деле Ван Мехелена, обвинявшегося в вооруженном ограблении почты, обвинительный приговор был основан на показаниях двадцати свидетелей, из которых одиннадцать не были идентифицированы защитой, поскольку при их допросе судебным следователем защитник и прокурор находились в отдельных комнатах, которые соединялись между собой с и кабинетом судебного следователя при помощи звуковой связи. Также в основу приговора были положены результаты опознания обвиняемых как лиц, совершивших преступление, анонимными офицерами полиции,

свидетельствовавшими под номерами. Основанием засекречивания офицеров полиции, дававших показания, явилась необходимость обеспечения их дальнейшей эффективной агентурной работы.

В деле Виндиша обвинительный приговор был основан на сообщении законспирированного полицейского, записи перехваченного телефонного разговора и заявления обвиняемого, сделанных после его ознакомления с записью. Личность полицейского обвиняемому не раскрывалась. В целях сохранения анонимности в суд он не вызывался.

В деле Люди, обвинявшегося в незаконной торговле наркотиками, среди доказательств, положенных в основу приговора, были показания агента полиции, работавшего под прикрытием и в целях сохранения анонимности не вызывавшегося в суд. Личность агента была известна следственному судье, но неизвестна обвиняемому.

В деле Дельта единственными доказательствами, на основании которых он был осужден, оказались показания двух девушек-подростков – очевидцев ограбления, совершенного обвиняемым. В суд они не явились. На предварительном следствии Дельта не участвовал в их допросе.

В делах Костовски, Виндиша, Дельта и Люди Европейский Суд признал нарушение Конвенции и, в частности, указал, что, «не зная личности свидетеля, защита столкнулась с почти непреодолимым препятствием: она была лишена необходимой информации для проверки личности свидетеля или определения, заслуживает ли он доверия»; когда допрос проводится в отсутствие защиты, она лишена возможности следить за поведением свидетеля, а значит, и проверить его надежность; «по общему правилу статья 6 п. 1 и 3 (d) требует, чтобы обвиняемому была предоставлена адекватная возможность оспаривать утверждения и допрашивать свидетельствующих против него лиц либо в момент дачи ими показаний, либо на более поздней стадии»; «показания могут быть получены и на досудебной стадии, но при соблюдении прав защиты, то есть при условии, что обвиняемый имел достаточные возможности оспорить показания и опросить свидетелей, дающих против него показания».

Решением по делу Ван Мехелен и другие против Нидерландов Европейский Суд также признал, что в результате использования показаний анонимных свидетелей была нарушена Конвенция, т.к., во-первых, «обвинительный приговор не должен основываться единственно или в решающей степени на анонимных утверждениях»; во-вторых, оперативные потребности полиции не могут быть признаны достаточным оправданием для ограничения прав обвиняемых; в-третьих, «любые меры, ограничивающие права защиты, должны диктоваться строгой необходимостью. Если менее ограничительная мера будет достаточна, то именно она должна применяться»; в-четвертых, трудности защиты, вызванные анонимностью свидетелей, должны в достаточной мере уравновешиваться процедурой, однако, нельзя сказать, что помехи, в условиях которых пришлось работать защите, были уравновешены процедурой допроса (обеспечением возможности слышать происходящее во время допроса, проверкой судебным следователем надежности свидетелей).

Решением Европейского Суда по делу Доорсон против Нидерландов признано отсутствие нарушения Конвенции. Решение мотивировано прежде всего тем, что «принципы справедливого суда (справедливой процедуры) также требуют, чтобы в соответствующих случаях интересы защиты уравновешивались интересами свидетелей и потерпевших, вызываемых для дачи показаний», в данном деле имелось достаточно причин полагать, что обвиняемый может прибегнуть к насилию в отношении свидетелей, которыми являлись гражданские лица, свидетели были заслушаны в присутствии адвоката и обвинителя, т.е. была применена уравновешивающая ограничения прав защиты процедура.

Таким образом, в своих решениях Европейский Суд сформулировал нижеследующие критерии, при соблюдении которых использование показаний анонимных свидетелей не образует нарушения Конвенции, т.е. такие показания являются допустимыми.

1. В качестве цели или оснований засекречивания свидетелей должно выступать обеспечение безопасности их жизни и здоровья или жизни и здоровья их близких.

2. Показания анонимных свидетелей не должны быть единственными или в решающей степени составляющими основу обвинительного приговора.

3. Ограничения прав защиты, вызываемые сокрытием от нее личности свидетеля, должны быть минимально необходимыми, т.е., если цель обеспечения безопасности свидетелей может быть достигнута с помощью иных, в меньшей степени ограничивающих права защиты мер, именно они и должны применяться. По сути, речь идет о диапазоне мер обеспечения безопасности свидетелей. Например, в уголовном процессе Нидерландов в соответствии с рекомендациями Комитета Министров Совета Европы, данными в связи с решением Европейского Суда по делу Костовски, была предусмотрена возможность использования грима и маски вместо того, чтобы вообще исключить визуальное наблюдение свидетеля стороной защиты во время допроса.

4. Должна применяться уравновешивающая ограничения прав защиты процедура, позволяющая проверить надежность свидетеля и надежность его показаний. В понимании Европейского Суда уравновешивающая процедура связана с возможностью «ограниченного участия» стороны защиты в допросе засекреченного свидетеля. Уравновешивающая процедура предполагает возможность стороны защиты ставить допрашиваемому вопросы, слышать происходящее в комнате допроса и таким образом в ограниченных формах «наблюдать» за поведением свидетеля, и т.п.

Рассмотрим нормы УПК РФ с точки зрения соответствия данным критериям.

1. В ч. 3 ст. 11 УПК РФ цели (или основания) засекречивания свидетелей определены шире, чем цели, считающиеся приемлемыми Европейским Судом. Указанная норма допускает сокрытие данных о личности свидетеля от стороны защиты для предотвращения реализации угрозы не только его жизни и здоровью, но и уничтожения или повреждения его имущества либо совершения в отношении него иных противоправных деяний. Такое широкое определение целей сохранения анонимности свидетелей,

включение в их число защиты весьма разнопорядковых ценностей, судя по вышеприведенным решениям Европейского Суда, может быть расценено им как нарушение Конвенции.

2. УПК РФ не содержит никаких особых правил относительно места или роли показаний анонимных свидетелей в системе доказательств обвинения. Следовательно, в российском уголовном процессе применительно к показаниям анонимных свидетелей действует общий принцип, в соответствии с которым никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Таким образом, с учетом того, что приговор должен быть основан на совокупности доказательств (т.е. как минимум на двух доказательствах), УПК РФ не исключает ситуации, когда обвинительный приговор будет вынесен исключительно на основании показаний двух анонимных свидетелей.

3. На предварительном расследовании УПК РФ не предусматривает каких-либо форм обеспечения безопасности свидетелей, альтернативных исключаящим визуальный и звуковой контакт с ними стороны защиты. Ситуация усугубляется за счет того, что современному российскому уголовному судопроизводству неизвестна процессуальная фигура, аналогичная следственному судье, выполняющему на предварительном следствии функцию юстиции. Допрос осуществляется следователем – органом уголовного преследования, носителем функции обвинения.

4. На стадии предварительного расследования УПК РФ не предусматривает никакой процедуры, которая бы уравнивала ограничения прав защиты, вызванные засекречиванием свидетелей. Несколько иначе обстоит дело со стадией судебного разбирательства. Как уже отмечалось, в соответствии с ч. 5 ст. 278 УПК РФ суд вправе без оглашения подлинных данных о личности свидетеля провести его допрос в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства. Следовательно, суду разрешается исключить лишь визуальное наблюдение свидетеля, однако при этом все остальные правила судебного допроса, в т.ч. право сторон задавать допрашиваемому вопросы, должны соблюдаться. Между тем показания анонимных свидетелей, данные на предварительном расследовании, могут быть оглашены в судебном разбирательстве, как и обычные свидетельские показания, независимо от согласия стороны защиты в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 281 УПК РФ, и положены в основу приговора.

Представляется, что отсутствие у стороны защиты права в какой бы то ни было форме участвовать в допросе анонимного свидетеля на стадии предварительного расследования при одновременной возможности оглашения данных им показаний в судебном разбирательстве не отвечает выработанному Европейским Судом критерию «уравнивающей процедуры».

Таким образом, действующие нормы УПК РФ, регламентирующие основания, условия и порядок получения и использования показаний анонимных свидетелей, не в полной мере отвечают критериям допустимости таких показаний, выработанным Европейским Судом. Применение этих норм в части, не отвечающей указанным критериям, будет приводить к нарушению Конвенции о защите прав человека. Поэтому законодателю имеет смысл разработать и внести соответствующие изменения и дополнения в УПК РФ. В ст. 11 следует ограничиться такими основаниями для применения предусмотренных УПК мер по обеспечению безопасности свидетелей, как угроза их жизни и здоровью либо жизни и здоровью их близких родственников, родственников или близких лиц, исключив из числа вышеуказанных оснований опасность уничтожения их имущества или совершения иного правонарушения. Реализации положений ст. 6 Конвенции о праве обвиняемого на очную ставку со свидетелями обвинения будет способствовать закрепление возможности производства допроса в условиях, исключающих не визуальное наблюдение, а узнавание свидетеля (или потерпевшего) и только при условии, что иными мерами невозможно обеспечить его безопасность, безопасность его родственников и близких лиц. Исключение узнавания как мера безопасности свидетеля (потерпевшего) предполагает более широкий диапазон способов участия стороны защиты в его допросе, чем исключение визуального наблюдения. В УПК необходимо включить также нормы, предоставляющие следователю право производить допрос свидетеля, данные о личности которого не предоставляются обвиняемому, с участием обвиняемого и его защитника, пользующихся правами задавать вопросы свидетелю и делать замечания, подлежащие занесению в протокол, в условиях, исключающих узнавание свидетеля. Только такие показания засекреченного свидетеля допустить к оглашению в судебном разбирательстве и к использованию в качестве доказательств. В результате следователь, прогнозируя, что анонимный свидетель может не появиться в суде, будет легализовать его показания, данные на предварительном расследовании, используя вышеуказанную процедуру.

Список литературы

1. Калиновский, К. Б. Условия для неразглашения данных о личности свидетеля и потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Юридические гарантии правового статуса личности: защита свидетелей и лиц, способствующих раскрытию преступлений в уголовном процессе : материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 28 мая 2004 г. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004.
2. Kostovski vs the Netherlands // Leading Cases of the European Court of Human Rights / compiled, edited and annotated by R.A. Lawson & H.G. Schermers. – Leiden, 1997. – P. 330.
3. Решение по делу Костовски против Нидерландов от 20 ноября 1989 года. – Серия А. – № 166.
4. Решение по делу Доорсон против Нидерландов, 26 марта 1996 года. – 2 Series A 470.
5. Решение по делу Ван Мехелен и другие против Нидерландов от 23 апреля 1997 года (55/1996/674/861-864).
6. Решение по делу Виндиш против Австрии, 27 сентября 1990 года. – Серия А. – № 186.
7. Решение по делу Люди против Швейцарии от 15 июня 1992 года, – Серия А. – № 238.
8. Решение по делу Дельта против Франции от 19 декабря 1990 года // Российское издание Бюллетеня Интерейтс. – 1997. – № 2.